

*Е. А. Гоглева**

**ПОЭЗИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ
И КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОПОРА:
ТОМАС СТЭНЛИ (1625–1678) И ОРДЕН ЧЕРНОЙ ЛЕНТЫ**

В статье проводится параллель между активностью Томаса Стэнли в период гражданской войны в Англии (в особенности в период с 1646 по 1649 гг.) и сложившейся впоследствии исследовательской оптикой, проявленной в знаменитой «Истории философии» (первый том был опубликован в 1655 году). Как историк философии, Стэнли обращает существенное внимание на образ жизни философов прошлого, зачастую этический компонент оказывается для него куда более значимым, чем теоретический вклад в мировую философию. Статья посвящена обнаружению предпосылок подобного отношения к материалу прошлого в том способе, каким сам мыслитель переживает тяготы гражданской войны, а также поражение двора Стюартов. В тексте статьи рассматривается деятельность Ордена Черной Ленты — кружка поэтов, собравшихся вокруг Стэнли, а также приводится авторский перевод оды из цикла «*Psalterium Carolinum*», написанного Стэнли по случаю казни монарха.

Ключевые слова: «поэты-кавалеры», роялизм, Томас Стэнли, история философии, Орден Черной Ленты

E. A. Gogleva

*POETRY AS A POLITICAL GESTURE AND AS A PHILOSOPHICAL SUPPORT:
THOMAS STANLEY (1625–1678) AND THE ORDER OF THE BLACK RIBAND*

This article draws a parallel between Thomas Stanley's activity during the Civil War (especially 1646–1649) and his researcher's attitude, that makes itself felt in his main work «The History of Philosophy» (the first volume was published in 1655). As a historian of philosophy Stanley pays considerable attention to philosophers' way of living and this moral part of philosophers' biographies often becomes more important for him, than theoretical one. This article finds out the possible reason of such attitude in Stanley's biographical pages. This

* Гоглева Екатерина Андреевна, аспирант, Институт философии РГПУ им. А. И. Герцена; ekaterina.zakhartseva@gmail.com

text is also dedicated to the activity of the Order of the Black Riband and contains a variant of Stanley's ode translation from the «Psalterium Carolinum» cycle.

Keywords: cavalier-poets, royalism, Thomas Stanley, the history of philosophy, the Order of the Black Riband

В тексте статьи речь пойдет об авторе первой англоязычной истории философии в XVII веке, становлении его мировоззренческой позиции. «История философии» Томаса Стэнли («The History of Philosophy: containing the Lives, Opinions, Actions and Discourses of Every Sect» [10]) была впервые опубликована в 1655–1662 годах, при жизни автора, и стала первой работой подобного масштаба. Сам факт появления в XVII веке историко-философского исследования представляет собой феномен, требующий истолкования. Герменевтический подход позволяет раскрыть смысл явления в проекции исторической реальности, ибо, как отмечает исследователь, «проблема герменевтики и заключается в единстве противоположностей смыслового и исторического» [4, с. 260]. Одной из отличительных особенностей историко-философского проекта Томаса Стэнли можно считать повышенное внимание к образу жизни древних философов, их поступкам и моральному облику. Так, например, Сократ для Стэнли — куда более значительная фигура, чем Платон или даже Аристотель [7, с. 187]. О повышенном внимании к образу жизни философов прошлого мы можем судить и по объему текста, посвященного тому или иному представителю древней мысли. Полагаем, что преобладание моральной составляющей биографии фигуры прошлого над его теоретическим вкладом в мировую философию и могло послужить причиной того, что работа Стэнли, при безусловном признании ее достоинств последователями философа, стала казаться им чем-то устаревшим, не вполне научным, чем-то, что требует своего преодоления [7, с. 200]. Не вошла история философии, разработанная Стэнли, и в определенный канон работ в этой области [1, с. 3]. Однако мы предполагаем, что обращение к историческому и политическому контексту времени Стэнли может помочь в реактуализации именно такого подхода к историко-философскому материалу. Поэтому в тексте статьи мы осуществляем поиск истоков взгляда Стэнли на историко-философский материал в одном из ярких эпизодов его биографии. Мы полагаем, что рассмотренный в тексте статьи эпизод оказал значительное влияние на научную и поэтическую деятельность мыслителя, сформировал его как историка философии, показал, что история философии, наряду с поэзией, может быть источником силы и экзистенциальной устойчивости в сложные времена. При выборе методологической установки, учитывая роль истории идей для реконструкции мировоззренческой позиции изучаемого автора, мы опирались в большей степени на идеи, предложенные У. Голденбаум (Ursula Goldenbaum). Голденбаум говорит о роли исторического контекста и его значимости для реконструкции взглядов исследуемого мыслителя в статье «Понимание аргументов в контексте публичных споров того времени или мой детективный метод в истории философии» («Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or my Detective Method of History of Philosophy») [5, с. 71–91]. Автор предлагает использовать политические, культурологические и прочие споры, в которые был вовлечен изучаемый

философ прошлого для работы с его текстами. Контекст, восстановленный исследователем с тщательностью детектива, может повлиять на понимание основной работы мыслителя, помочь верно расставить акценты в изучении его наследия, а также избежать редукции важных аспектов его философского вклада. Прodelанная в статье работа должна стать одним из шагов на пути к основательному изучению наследия Томаса Стэнли.

Итак, перенесемся в Англию середины XVII века. Речь пойдет о периоде с 1646 по 1649 год, когда гражданская война в Англии была в самом разгаре. Мы доподлинно знаем из заметок, манускриптов самого Стэнли, а также записей близкого круга его друзей, что этот непростой период времени Стэнли провел в Лондоне в Миддл Темпл, где вокруг него собирались как молодые начинающие поэты, так и уже зрелые люди — опальные деятели придворной культуры Стюартов. Финансовое положение молодого интеллектуала позволяло оказывать талантливым роялистам посильную помощь [8, р. 148–149]. Нам известно, что Стэнли происходил из древнего английского рода: прадед поэта и историка философии являлся сыном Эдварда Стэнли — третьего графа Дерби, отцу же философа в 1621 году был присвоен рыцарский титул [9, р. xxi–xxv]. В большой неопубликованной поэме, написанной уже после реставрации Стюартов, «Список друзей» (Register of friends) [9, р. 354–367] мы можем увидеть имена близких к поэту и философу людей: Эдвард Шербурн — кузен и близкий друг, разделявший интересы молодого поэта; Вильям Фэрфакс — учитель и воспитатель юного поэта и философа, ставший ему близким другом; Вильям Хэммонд — дядя Стэнли, ученый из Кембриджа, знаток классической культуры и языков; Джеймс Шерли — один из лучших придворных драматургов времен Карла I; Джон Холл — близкий друг Стэнли и, что удивительно, единственный приверженец парламента и Оливера Кромвеля в кругу поэтов-роялистов (Холл оказался одним из трех крупнейших пропагандистов парламентской стороны наряду с самим Джоном Мильтоном); Ричард Лавлейс — еще один родственник Стэнли по материнской линии и знаменитый британский поэт-роялист. Известно, что Стэнли также был близок с Робертом Герриком — священнослужителем и поэтом, как и он, разделявшим воззрения приверженцев двора Стюартов [6, р. 106–126]. «Поэты-кавалеры» относились к лагерю не победителей, но побежденных, сторонников партии двора Стюартов. Многие из них действительно пострадали за свои политические и религиозные убеждения. Так, например, Роберт Геррик как роялист был лишен прихода в Девоншире, Ричард Лавлейс потратил все свое солидное состояние на финансирование армии короля и не единожды оказывался за решеткой, а Джеймс Шерли был лишен возможности принимать участие в театральной жизни (в 1642 году в лондонских театрах была запрещена постановка пьес распоряжением Долгого парламента, а большинство театров были закрыты как источники развращения нравов), и после придворной жизни, полной лоска, он был вынужден подрабатывать учителем. Однако столь удручающее состояние дел не находило прямого выражения в творчестве «поэтов-кавалеров» и интеллектуалов их круга. Они противостояли сложностям в изящной, утонченной манере, присущей образованным людям своего времени.

Цель поэзии «кавалеров» — поэзия или погоня за счастливым мгновением (*carpe diem*). Их мораль — эпикурейская. Их поэтическая философия — пасторальная, предлагающая себя в качестве мирной антитезы смутным и жестоким временам и, таким образом, обращенная к ним в качестве ненавязчивого, но горького упрека [2, с. 7].

К периоду с 1646 по 1649 также относится создание Томасом Стэнли и его близким кругом друзей — поэтов и ученых — так называемого Ордена Черной Ленты (*the Order of the Black Riband*) [6, p. 107]. Представители этого общества тайно и явно выражали свое несогласие с парламентом и деятельностью Оливера Кромвеля. В знак своей творческой и идейной солидарности в качестве отличительного символа они носили черную ленту на руке. Черная лента воспринималась Стэнли и его друзьями как знак скорби по потерянной богатой литературе и художественной культуре двора Стюартов. Опираясь на неопубликованные рукописи самого Стэнли [9, p. 354–367], можно предположить, что поэты его круга протестовали против деятельности «круглоголовых» (сторонников парламента) не только демонстрацией отличительного знака (черной ленты), но также и своей поэзией, выбором материала для переводов и стилизаций. Они проявляли живой интерес к классической, ново-латинской и континентальной поэтическим традициям. Так, например, Стэнли сосредоточил свое пристальное внимание на анакреонтике (он стал первым, кто переводил эти тексты на английский), на переводах «Поцелуев» Иоанна Секунда, поэзии Джамбаттисты Марино, Лопе де Веги, Пьера Ронсара, Франческо Петрарки, а также подражании английскому поэту Бену Джонсону. Друзья Стэнли, входившие в Орден Черной Ленты, поддерживали своего товарища и благодетеля, разделяя его поэтические и переводческие интересы, посвящая друг другу оды, обмениваясь творческими идеями и вариантами стилизаций [8, p. 148–149]. Подражая анакреонтике и «Поцелуям» Секунда, круг Стэнли сохранял и давал новое дыхание традициям, которые ранее процветали при дворе [8, p. 169]. Своим творчеством поэты бунтовали против сухости и безвкусицы пуританских представлений о культуре, посреди бушующего урагана истории они переосмыслили скоротечность жизни, тематику любви и наслаждений [2, с. 7–8]. Несмотря на то, что после казни Карла I Стэнли и его окружение покинули Лондон, активная совместная деятельность времен Ордена повлияла на каждого из участников круга, что отразилось в творчестве каждого из них. И хотя Орден Черной Ленты скорее был тайным объединением неготовых к смирению молодых роялистов, а также солидных ностальгирующих по уходящему времени поэтов и ученых-«кавалеров», все-таки мы находим упоминания о нем в стихотворениях и письмах друзей [6, p. 112].

Джеймс Шерли пишет о том, что «не стал бы роптать, если бы синий цвет стал черным» («I should not mourn, although the blue were black»), вероятно, сравнивая синюю ленту Ордена Подвязки с черной лентой общества «поэтов-кавалеров». Намекает Шерли и на то, что сам Карл I мог бы стать патроном благородного Ордена Черной Ленты, основанного Стэнли для сохранения и поддержания высокого искусства. Нельзя не обратиться и к переписке между Джоном Холлом и Сэмюэлем Хартлибом [11, p. 221–233] весной 1647 года, в которой собеседники обсуждали идею создания Академии (некоторого со-

брания ученых для совместного рассмотрения, сбора и публикации научных и поэтических разработок). Джон Холл с сожалением сообщает, что мистер Стэнли, которому было предложено второе по важности место в Академии («though he was profered the second place (I mean Orator) will not accept it»), несомненно не примет этого предложения по причине того, что и сам уже обладает черной лентой и не пожелает предать свою верность ей [11, p. 231]. Мы предполагаем, что Стэнли отказался от сотрудничества с Хартлибом именно потому, что в окружение Хартлиба входили сторонники парламента. Напомним, что Джон Холл был, возможно, единственным другом Стэнли с противоположными политическими воззрениями, которому поэты-роялисты абсолютно прощали иной образ мыслей. В 1647 году в поэтическом сборнике Джона Холла вышло стихотворение «*Armillæ Nigræ*» на латинском языке, в котором поэт тоже сравнивает Орден Черной Ленты с Благороднейшим Орденом Подвязки и превозносит черную повязку как символ будущего величия ее обладателей. Примечательно, что и сам Стэнли включает стихотворения Шерли и Холла в сборник собственных произведений 1647 года, косвенно обозначив свое лидерство в Ордене [6, p. 114].

В январе 1649 года Карл I был казнен. Роялистская сторона незамедлительно реагирует на страшную трагедию двора Стюартов пронзительным текстом анонимного автора «Образ королевский» («*Eikon basilike*»), авторство традиционно приписывается епископу Джону Гаудену (John Gauden; 1605–1662). «Образ королевский» — размышления перед лицом поражения и гибели, написанные от лица короля. Текст составлен так, словно перед читателем оказался его личный дневник. Монарх осмысляет падение своего двора и войск, предательство подданных, а также череду событий, приведших к его поражению. Карл Стюарт предстает перед читателем благородным мучеником, настоящим христианином, мудрым и беспокоящимся о судьбе своего народа. На этот труд парламентская пропаганда отвечает памфлетом, написанным знаменитым поэтом Джоном Мильтоном. Мильтон создает текст «Иконоборец» («*Eikonoklastes*»), в котором обосновывает необходимость казни короля. Текст «Иконоборец» имеет яркую полемическую окраску, направленную против идей религиозных и политических оппонентов. Пока пропаганда со стороны двора и со стороны парламента, словно на дуэли, обменивается блестящими образцами художественного творчества, молодой Томас Стэнли также осмысляет случившееся и тяжело переживает уход эпохой изящной придворной культуры, эпохи патронажа и высокого художественного вкуса.

Здесь мы подходим к моменту, дополнительно подсвечивающему важность историко-философской оптики, выбранной Томасом Стэнли впоследствии. Этот эпизод, на наш взгляд, служит подтверждением того, что Стэнли — тонкий и восприимчивый молодой интеллект, тяжело переживавший события гражданской войны, — просто не мог не ценить честь, достоинство и стойкость духа. После казни короля в 1649 году он, как и многие «поэты-кавалеры» из его круга, старается найти утешение для себя и своих товарищей. Стэнли берется за поэтическое переложение «Образа королевского» («*Eikon basilike*»). Он создает собственные варианты двадцати семи од, в которых содержатся размышления Карла I о революционных событиях, и в 1657 году публикует их

под заголовком «Psalterium Carolinum» [9, p. 270–319]; впоследствии эти поэтические интерпретации «Образа королевского» были положены на музыку, как и многие другие поэтические произведения Стэнли [3].

В данной статье предлагается вариант авторского вольного перевода последней, двадцать седьмой, оды «Размышления о гибели после голосования об отказе от обращений [имеется в виду постановление Долгого парламента от 17 сентября 1648 года. — *Е. Г.*] и скором заключении Его Величества в замок Карисбрук» («Meditations upon Death after the votes of Non-Addresses, and his Majesty's closer Imprisonment in Carisbrook Castle») из цикла «Psalterium Carolinum».

Размышления о гибели

О Ты, Который населяет Небеса и Землю.
О Король всех Королей,
В Тебе вечно расцветает не Смерть, но одна лишь Жизнь;
В Твоей власти подтолкнуть наши души к зияющей могиле,
В Твоей же власти милостиво их от могилы уберечь.
Лучше не быть живым,
Но спастись, сохранившись в Тебе,
Чем жить без Твоей защиты.
О, позволь тернистым путям,
Которые делают мое падение лишь горше,
Только преумножить Твои блага в моей Душе.
Если со мной Ты — страх не имеет власти надо мной,
Хотя мне и предстоит пройти по сумрачной аллее самой смерти.
Смертный и слабый человек может бросить вызов судьбе,
Но победа возможна, только если Твоя Милость даст силу одержать ее.
Научи меня и перед лицом Смерти жить, Господи, с Тобой.
Хоть я и должен умереть,
Я знаю, что Ты вечен.
Хоть ты и должен позволить мне умереть,
Ты даруешь жизнь вечную.
Не таись!
Твоя любовь более желанна мне,
Чем мое собственное дыхание.
Прошу, будь поблизости, ведь смерть еще ближе.
Я пойман, ловушки захлопнулись,
Лишь Твое знание может их раскрыть,
Лишь Твоя сила может сокрушить их.
Позволь же мне познать Твою волю,
Ведь она утверждает истинное благо!
Как Человек, я прошу: «Пронеси мимо чашу сию!»
Как Христианин, я учусь молитве.
Пусть не моя воля, но Твоя свершится,
Моя воля пусть разрешится в Твоей,
И они сольются воедино.
Позволь мне жаждать этой жизни меньше,
Чем Твоих указаний о том, страдать ли мне или же умереть,
И как Ты уже прощал мне все заблуждения моей жизни,

Так же сохрани меня от ложных страхов смерти.
Сделай так, чтобы я был доволен тем, что покидаю этот мир.
Ведь весь мир, как и себя самого, я могу обрести лишь в Тебе.
Мои недруги хотят признать нас обоих неугодными,
Хотят отречься от нас,
Но не позволь Своей Милости пренебрегать даже и ими!
Какая польза им от моей крови?
Потеряют свои души,
Взамен же получают лишь мое королевство.
Им удалось уже склонить меня моей же силой,
Но не дай им получить свое заслуженное наказание,
Не дай понести заслуженную кару!
Ты открыл свои блага и тем жестоким, которые распяли Твоего Сына.
И хоть Он и испытал жестокость от них,
Ты знаешь, что свои ошибки и грехи они совершали во имя блага
И выбирали свои ошибки свободно.
О, услышь, что зов Его всепрощающей, искупительной крови
Громче, чем крики моих обвинителей.
Позволь им осознать свои грехи
И постичь Твое прощение,
Позволь им не обмануть своих душ,
Не дай им пасть!
Они захвачены несправедливой силой,
Которая действует безжалостно.
Они хотят уничтожить меня
Именем ложной справедливости,
Но жестока и ошибочна их милость.
Желая защитить — они ищут пути напасть.
Но ты их кровавого обмана, о, не преследуй,
А с Твоей милостью и моей любовью
Покори и смягчи!
Даже когда Ты узнаешь о крови Сына Своего,
Запятнавшей их души,
Проведи карающего ангела мимо них!
Они полагают, что королевство слишком тесно
Для короля и для парламента,
Но позволь Твоей безграничной милости окутать и их, и меня,
Чтобы, примиренные Спасителем,
Мы воссоединились с Тобой
И жили бы выше себялюбивой вражды.
Когда же их тяжелые руки
Сокрушат меня нестерпимой болью,
О, позволь мне упасть в Твои бережные объятия
И те дни, и мгновения, что забрали из моей печальной жизни,
Молю, оплати Твоей вечностью.
Господь, я узрел ясно Твое божественное спасение;
Так позволь без страха твоему слуге принять смерть [9, р. 315–319].

Предложенный перевод, может быть, не передает всех стилистических особенностей и красоты английского языка середины XVII века, однако даже он

позволяет почувствовать переживания молодого интеллектуала, оказавшегося свидетелем крушения своих идеалов, оказавшегося в ситуации действительного перелома культурных парадигм. Перед нами возникает портрет тонко чувствующего молодого роялиста, верного своим устремлениям и своим друзьям, талантливого и умеющего воодушевлять. Тот факт, что работа была опубликована Стэнли только в 1657 году, спустя 8 лет после казни короля, позволяет снять с автора подозрения в пропагандистских намерениях и предположить, что Стэнли взялся за этот труд не для агитации, но по велению сердца. Организованный же вокруг Стэнли Орден Черной Ленты также позволяет взглянуть на его деятельность с иных позиций. Мы видим, что для Стэнли и круга его друзей поэзия и интеллектуальное наследие прошлого представляет не просто исследовательский интерес, вызывает не просто уважение к древности самой по себе. Они вступают с культурой в диалог, исследуют возможности современного им английского языка, предлагают свои варианты и стилизации. Наследие прошлого и диалог с культурой являются для них спасением от несправедливости и жестокости настоящего, выступает способом протеста против утверждающихся новых, чуждых им ценностей. Мы, разумеется, могли бы списать эмоциональность и импульсивность событий, рассмотренного нами эпизода, на молодость Томаса Стэнли, однако кажется, что здесь мы имеем дело с принципиальной чертой этого английского мыслителя, которая и нашла свое отражение в его историко-философском труде. После тягот гражданской войны он и у философов прошлого ищет — не в последнюю очередь — именно нравственную стойкость.

Завершить эту статью хотелось бы фрагментом еще одного стихотворения Томаса Стэнли в переводе М. Я. Бородицкой.

...
Пускай похитит время иль недуг
Все розы и лилеи,
Но смерти и ее коварных слуг
Любовь моя сильнее,
Ведь пыл, что красотой зажжен,
Как красота, непрочен,
А наш союз ни червоточин
Не знает, ни препон.
Когда испустим мы последний вздох,
То убедимся оба:
Разлукой души не застичь врасплох,
Дружившие до гроба.
Дохнет ли стыд, повеет страх —
Любовь теряет силы,
А дружба и во мгле могилы
Венчает с прахом прах [2, с. 290].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая история философии: методы и исследования / И. В. Берестов, М. Н. Вольф, О. А. Доманов. — Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. — xviii, 242 с.
2. Английские «поэты-кавалеры» XVII века / пер., сост., коммент. М. Я. Бородинской. — СПб.: Наука, 2010. — 376 с.
3. Дуда Н. В. Литературные источники сольных вокальных произведений композиторов Англии первой половины XVII века // Культурная жизнь Юга России. — 2016. — № 4 (63). — С. 54–60.
4. Степанова А. С. Герменевтический характер диалектики (Платон и Гадамер) // Вестник РХГА. — 2013. — Т. 4. Вып. 3. — С. 253–260.
5. Goldenbaum U. Understanding the Argument through Then-Current Public Debates or my Detective Method of History of Philosophy // *Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by Mogens Lærke, Justin E. H. Smith, and Eric Schliesser. — New York: Oxford University Press, 2013. — P. 71–91.
6. McDowell N. Herrick and the Order of the Black Riband: Literary Community in Civil-War London and the Publication of *Hesperides* (1648) // «Lords of Wine and Oile» Community and Conviviality in the Poetry of Robert Herrick / ed. by Ruth Connolly and Tom Cain. — Oxford: University Press, 2011. — P. 106–127.
7. Models of the History of Philosophy. In 3 vols. — Vol. 1. Models of the History of Philosophy: From its Origins in the Renaissance to the ‘*Historia Philosophica*’ / ed. by G. Santinello, C. W. Blackwell. — Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht, 1993. — P. 163–205.
8. Revard Stella P. Thomas Stanley and «A Register of Friends» // *Literary circles and cultural communities in Renaissance England* / ed. by Claude J. Summers and Ted-Larry Pebworth. — Columbia: University of Missouri Press, 2000. — P. 148–173.
9. Stanley T. Poems and translations of Thomas Stanley / ed. by Crump Galbraith M. — Oxford: Clarendon Press, 1962. — 416 p.
10. Stanley T. The history of philosophy: containing the lives, opinions, actions and discourses of the philosophers of every sect. — London: Printed for W. Battersby, 1701. — 780 p.
11. Turnbull G. H. «John Hall’s Letters to Samuel Hartlib» // *The Review of English Studies*. — 1953 — Vol. 4, — No. 15. — P. 221–233. — URL: <https://doi.org/10.1093/res/IV.15.221> (дата обращения 15.05.2023).